

Ближе к рассвету все были готовы.

Понимая, что им придётся переходить через горы, переваливать через хребты[1], Фэн Мин специально облачился в короткое верхнее платье, небесно-голубые сатиновые штаны, вплотную затянул пояс, который подчеркнул его прекрасную тонкую фигуру, и затем надел высокие, достигавшие колен, овчинные сапожки, в которых его фигура выглядела ещё стройнее.

Жун Тянь почти не мог отвести от юноши взгляд.

Сначала они хотели оставить всех слуг на борту корабля, чтобы они все вместе сопровождали Ло Дэна, ведь так было безопаснее и удобнее. Но как только Цю Син и Цю Юэ услышали это, тотчас же закатили скандал.

Задыхающаяся от волнения и слёз Цю Син спешно нашла Фэн Мина и с упрёком проговорила:

— А мы не можем поехать на лошадях? Когда князь Мин был похищен Жо Янем, мы с Цю Юэ вернулись в клан Туэ, чтобы попросить у дедушки помощи и не обременять государя ещё больше. Так почему же сейчас Вы бросаете нас? Если Вас тяготят слишком много надоедливых служанок, то позвольте тогда Цю Лань остаться, она не так хорошо может держаться в седле, как мы.

Стоящая сзади сестры, всхлипывающая Цю Юэ не проронила ни слова, лишь жалостливо смотрела на юношу.

Как раз в то время, когда Фэн Мин находился в затруднительном положении, неожиданно появилась Цю Лань, которая, услышав новости, сразу же бросилась искать юношу. Увидев Фэн Мина, девушка тотчас же рухнула на колени и произнесла:

— Как говорится, новобрачным сложно расставаться друг с другом. Государь и князь Мин позволили мне и Жун Ху пожениться. Так почему же не прошло и двух дней, как Вы сразу вынуждаете нас разлучаться? Если я остаюсь, тогда и Жун Ху остаётся.

Стоящий за своей женой Жун Ху вытер пот и, больше всего опасаясь, что его могут оставить на борту корабля, спешно проговорил:

— Князь Мин, не нужно слушать её, я, разумеется, последую куда угодно за государем...

— Кого это ты просишь не слушать? — Цю Лань свирепо повернула голову и пристально посмотрела на Жун Ху.

Под пристальным взглядом широко распахнутых и ясных глаз Цю Лань юноша вздрогнул и, проглотив слова, которые хотели сорваться с губ, сразу же замолк.

Из-за плачущих девушек Фэн Мин находился в полном смятении. Он не мог кивнуть, но и отрицательно покачать головой не осмелился. Юноша обернулся к Жун Тяню, сминая руки:

— Ты же император, скорее скажи им!

Мужчине казалось крайне забавным видеть его растерянность, и, смеясь, он перекинул щекотливую проблему, словно горячий картофель, на юношу:

— Ты князь Мин, тебе и решать.

Из-за этого плачь Цю Лань и девушек стал ещё сильнее. Мёртвой хваткой вцепившись в рукав Фэн Мина, служанки всем видом показывали, что если им не позволят идти с господами, то они тотчас же умрут от слёз.

— Хорошо! Хорошо! Только не надо плакать! — неожиданно закричал Фэн Мин, так как из-за их истерики у него не было выхода. Девушки от изумления даже прекратили лить слёзы, и тогда юноша, сделав шаг назад, смело проговорил: — Цю Лань остаётся, и с моего позволения Жун Ху тоже. Он будет составлять тебе компанию, только не нужно снова шуметь. Цю Син и Цю Юэ, незачем украдкой улыбаться, так как вам запрещено следовать за нами, и вы тоже остаётесь вместе с Цю Лань. На суше слишком опасно, нужно будет взбираться на гору, где, возможно, нам повстречаются грабители, увы... Не надо плакать.

Девушки, совершенно не боясь и не дожидаясь, пока Фэн Мин закончит говорить, уже начали сотрясать воздух громким плачем.

В этот момент в комнату вошёл Цзы Янь. Бесконечно занятый и облачённый в броню, он, тяжело дыша, проговорил:

— Этот Ле Чжунлю действительно привередливый. Прошлой ночью он сам сказал, что хочет немедленно покинуть корабль, а сейчас, когда я пошёл сообщить ему, чтобы он подготовился к высадке на берег, он неожиданно выдвинул своё условие.

— Какое условие?

— Он сказал, что привык наслаждаться благами, а переходить через горы слишком устал. Если в пути его не будут сопровождать красавицы, то никуда он с нами не пойдёт. — Цзы Янь украдкой посмотрел на служанок, чьи глаза были красные от слёз. — Он хочет, чтобы Цю Син и Цю Юэ отправились вместе с ним.

Стоило девушкам услышать эти слова, как на их лицах тотчас же появилось приятное удивление.

Фэн Мин нахмурил брови и проговорил:

— Цю Син и Цю Юэ испытывают к нему отвращение и, наверняка, не согласятся...

— Мы согласны! Согласны! Почему не согласимся? Мы очень любим такого человека, как Ле Чжунлю! — закричала Цю Син.

Цю Юэ засияла от радости:

— Лишь бы только не бросил, тогда хорошо.

Цю Лань сильно нервничала и потянула Фэн Мина за рукав:

— Князь Мин же не оставит меня одну? Я уже давно ухаживаю за Вами во дворце наследного принца. Разве Вы настолько несправедливы? Неужели... неужели из-за нашей свадьбы с Жун Ху князь Мин больше не хочет, чтобы я за ним ухаживала? Хнык-хнык, хнык-хнык...

Юноша тяжело вздохнул и, с поражением подняв голову, взглянул на улыбающегося Жун Тяня, который, в свою очередь, смотрел на него.

Излишне говорить, что в итоге одержали победу Цю Лань и две умеющие хорошо атаковать слезами служанки.

Как и говорил Ле-эр, покинув корабль и сойдя на берег, им предстоял путь через горные леса.

В одиннадцати государствах шла непрерывная война, почти каждая страна, чтобы пополнить ряды солдат, забирала мужчин, оставляя во многих поселениях лишь стариков, женщин и детей. На слишком огромные угодья не хватало рук, чтобы возделывать землю, как и все горы вдоль реки Оман, до которых никому не было дела.

Толпа пробиралась через горные леса несколько дней, только изредка встречаясь с охотниками. Должно быть, из-за отсутствия людей в лесу водилось немало редких диких животных. Жун Ху даже лично убил леопарда, который вечером пытался приблизиться к ним. Юноша содрал шкуру с убитого зверя и подарил Жун Тяню, однако сам император Силэй даровал её Цю Лань.

Фэн Мину ещё никогда не приходилось с Жун Тянем пробираться сквозь леса, а потому он с огромным интересом смотрел на всё, что было вокруг. Поначалу мужчина ещё беспокоился, что юноша может испугаться змей и насекомых, и, конечно же, не сможет приспособиться к твёрдой земле, и наверняка простынет от холодной росы. Однако он не ожидал, что Фэн Мин, веселясь от души, проговорит:

— Рядом с тобой мне ничего не страшно. Мне и раньше очень нравилась идея про лагерь, но, к сожалению, не было возможности её осуществить. В этот раз выпал шанс познать всё на собственном опыте, и я с уверенностью могу сказать, что вот этими руками могу задушить

предводителя волков и подобных ему.

Ле Чжунлю к необычной щедрой милости Жун Тяня отнёсся равнодушно, словно так и должно быть. Только после того, как они поднялись в горы, он сразу же остался вместе с Цзы Янем. Последнему было поручено расчистить путь и узнать, что их ждёт впереди, и все эти дела ненароком и по большей части стали обязанностью Ле Чжунлю.

Цзы Янь знал, что мужчина хорошо знаком с горной местностью, и часто даже прислушивался к его мнению. Однако Ле Чжунлю пока что ещё не давал официального согласия на покровительство Жун Тяня, и этот факт всё же немного, но тревожил юношу, который в свободное время обсуждал это с Ле-эром и Жун Ху. Ле-эр тогда тихо покинул их, отправившись к императору, чтобы попросить указания:

— Этот Ле Чжунлю очень скрытный человек. Если бы не мудрый государь, разгадавший его положение, мы, боюсь, до сих пор считали бы его непригодным художником. Подчинённый немного обеспокоен. Если этого человека подослали враги, то что делать тогда? И ладно бы это случилось в другое время, но сейчас, когда повсюду безлюдные горы и глубокие лесные чащи... А если по чистой случайности он специально хочет повести нас по роковому пути или приведёт нас к врагу в засаду? В таком случае дело плохо. Государь, мы действительно будем следовать за ним туда, куда он поведёт?

Жун Тянь остался равнодушен:

— Фэн Мин как-то сказал: «Подобрав людей – доверяй им». Нынешний император хочет посмотреть, куда он нас сможет привести.

Ле-эр был бессилён, ему ничего не оставалось, как передать эти слова Цзы Яню.

Ле Чжунлю на шалости Ле-эра совершенно не обращал внимания и по-прежнему отправлялся прочищать путь вместе с Цзы Янем. Здешние горы действительно были ему хорошо знакомы. Он знал, где находится источник, где есть кратчайший путь и даже где находится опасная, залитая грязью, скользкая тропа, и он ни на волос не ошибался.

В эту ночь всё же оставшись в лесу ночевать, Жун Ху выбрал равнину с текущим неподалёку ручейком и развёл небольшой костёр. Устроившись вокруг огня, люди наслаждались отдыхом.

Разговаривая и смеясь, Ле Чжунлю, чьё лицо совершенно не предвещало изменений, с ошеломлённой улыбкой проговорил:

— День выдался утомительным, если съем какой-нибудь дичи, то сразу станет хорошо. — И сел, упрямо втиснувшись между Цю Юэ и Цю Син, вызвав их крик и желание прогнать его взашей.

Зная, что мужчина теперь их проводник, Фэн Мин смеялся, глядя на возмущённые мордашки

девушек, и охотно поднял чашу:

— Господин Ле наверняка устал, но прежде выпейте вина.

Ле Чжунлю, обратившись к юноше, с упорством смотрел на него некоторое время и, рассмеявшись, покачал головой:

— Князю Мину не стоит обходиться слишком хорошо со мной. Ваша красивая улыбка может вызвать несуразные фантазии.

Многие заметили, что стоило мужчине открыть рот, как он тут же начал заигрывать с князем Мином. Все обменялись растерянными взглядами.

Этот тип сам ищет себе погибели?

Наш государь стал незаметным?

Жун Тянь, находясь под пристальным взглядом обеспокоенных людей, пребывал в отличном расположении духа, взял из рук Фэн Мина чашечку и, естественно, запрокинул голову и выпил горячительный напиток. Взглянув на Ле Чжунлю, мужчина необычайно мягко задал вопрос:

— Этот император может задать господину один вопрос?

Представление началось!

Все, зная, что Жун Тянь собирается официально пойти в наступление на этого человека непонятого происхождения, затаили дыхание и стали спокойно ждать.

— Прошу, император Силэй, спрашивайте. — Ле Чжунлю словно ничего не почувствовал, так как по-прежнему был рассеян и восхвалял красоту сидящих рядом с ним близняшек.

— Позвольте узнать, кем в Поднебесной больше всего восхищается господин?

— Это вовсе не император Силэй, — без раздумий ответил мужчина.

Жун Тянь отнёсся к нему слишком щедро, а он, не стесняясь, прямо перед государем проявил бестактность, чем очень удивил собравшихся у костра.

Но Жун Тянь никак не изменился в лице, продолжая улыбаться, взял флягу, налил содержимое в чашку и, повертев полную пиалу вина в руках, внезапно проговорил:

— Долгая ночь скучна. Может, лучше развлечёмся, угадывая, кто тот человек, кем больше всего восхищается господин Ле Чжунлю?

— Хорошо! — отозвался Цзы Янь. — Я первый угадываю. Хм, может, это тот, кто скрестил оружие с нашим государем? В Поднебесной лишь один такой — император Ли, Жо Янь. Если тот человек, кем больше всего ты восхищаешься, не наш государь, то в таком случае это Жо Янь?

— Ошибаешься, — Ле Чжунлю с пренебрежением покачал головой. — Жо Янь жестокий, любящий использовать яды, недалёкий человек. Разве он стоит моего восхищения?

Обратившись к мужчине, Цю Син скорчила гримасу:

— Ты такой чванливый, так что человек, которым ты восхищаешься, это ты сам.

— Я, конечно, восхищаюсь собой, только не так сильно. Хо-хо, маленькая красавица, ты ошиблась. Подари мне поцелуй, и я тотчас же скажу тебе ответ, хорошо?

— И не мечтай!

Сидевшая рядом с Жун Ху Цю Лань свесила голову и после долгих размышлений проговорила:

— Ты восхищаешься нашим князем Мином. Он добросердечный, умный, сообразительный, и никто в Поднебесной не знает его впечатляющий нрав.

Ле Чжунлю, хохоча, проговорил:

— Кто же не знает потрясающего князя Мина? Сначала он попал в Боцзянь, потом его схватил Жо Янь, вслед за этим его завлекли в Дунфань, заставляя императора Силэй, у которого нет времени позаботиться даже о самом себе, то бросаться на восток, то бежать на запад [2] и не позволяя ему исполнить намерение присвоить всю Поднебесную. Он и впрямь весьма потрясающий.

Ле-эр косо поглядел на мужчину. Слушая его и смотря на разнузданную улыбку, он всё же не выдержал и резко подпрыгнул:

— Как дерзко! Ты, подлец, осмелился...

— Ле-эр! — внезапно перебил Фэн Мин, уставившись на юношу.

Крайне стыдным было то, что его постоянно кто-то да похищал, и вот сейчас, когда Ле Чжунлю

затронул перед всеми эту тему, юноше стало несколько неловко. Кашлянув, Фэн Мин решил вернуться к изначальной теме:

— Моя очередь угадывать?

Ле Чжунлю и сам понял, что перегнул палку. Увидев, что Фэн Мин по-прежнему к нему добр, мужчина почувствовал себя крайне виноватым и, сложив руки в знак почтения, проговорил:

— Промыл уши и почтительно внимаю[3]. — Его вид был на удивление дружелюбным.

Юноша изменился в лице, став настороженным.

Хоть он и не знал, насколько велики были умения Ле Чжунлю, однако в способности Жун Тяня разбираться в людях юноша был уверен.

Разумный монарх в первую очередь должен различать и использовать одарённых людей.

Мужчина до сих пор проявлял к отвратительному Ле Чжунлю редкую терпеливость, Фэн Мин же надеялся, что сможет оказать поддержку Жун Тяню, протянув ему руку помощи.

Однако как он должен был это сделать?

— Полагаю, господин уже некогда побывал во многих местах, — неторопливо проговорил Фэн Мин.

— Верно.

— Господин был даже в одиннадцатом государстве?

— Даже там бывал.

Маленькая группа людей, что окружала костёр, безмолвно вслушивалась в их разговор, лишь звук потрескивающих в огне дров в сумрачном лесу был особенно громким.

Фэн Мин больше не смотрел на Ле Чжунлю и перевёл взгляд на костёр. Обнажив на лице унылые мысли, он тихо проговорил:

— Я недостаточно умён, чтобы угадать, кем больше всего восхищается господин Ле. Однако, может, господину интересно, кем я восхищаюсь больше всего?

Луна уже показалась из-за кромки деревьев, делая сумерки особенно нежными, вместе с этим голос Ле Чжунлю стал тише и ласковее:

— Позвольте спросить, кем больше всего восхищается князь Мин?

Фэн Мин замолчал, став печальнее.

Вокруг стало ещё тише, лёгкое дыхание ветерка затронуло пламя костра, слегка тревожа его.

— Этого человека звали Лу Дань, — Фэн Мин вздохнул.

Жун Тянь протянул скрывающуюся в рукаве ладонь и, не спеша взяв руку юноши, мягко и крепко стиснул её.

Юноша в ответ обхватил большую руку императора Силэй, с жадностью ощущая её жар.

— Лу Дань... — тихо вздохнул Ле Чжунлю.

Этот беспечный, незаурядно талантливый человек тихо вздохнул, но глубоко и печально, отчего бросило в дрожь.

Он наконец отвёл взгляд от круглолицей красавицы Цю Юэ и перевёл на Фэн Мина. Глубоко заглядывая в глаза юноши, он равнодушно спросил:

— О каком Лу Дане говорит князь Мин?

— Есть ещё... один Лу Дань? — не отводя взгляда от мужчины, тихо спросил юноша.

Ле Чжунлю, словно впервые увидев Фэн Мина, изменился в лице, став строгим, и внимательно посмотрел на юношу.

Немного погодя уголки губ дрогнули, обнажив лёгкую горькую улыбку.

Внезапно мужчина выпрямился, встал, поднял голову и, смеясь, непринуждённо сказал:

— Лу Дань, Лу Дань, ты слышишь? Оказывается, не только Ле Чжунлю, но и ещё кто-то помнит тебя? Народ Поднебесной презирает тебя за то, что ты предал императора и родину, предал Дунфань. Ты такой глупец, такой глупец! — И вместе с оглушительным смехом из глаз мужчины потекли горячие слёзы.

Ле Чжунлю безудержно плакал и смеялся, казалось, ему хотелось взять ту боль, что сжимала душу, выпустить и освободиться от неё.

Все, знавшие, какой этот мужчина весельчак и огромный любитель побегать за женщинами, неожиданно увидев, насколько он страдает, в душе были потрясены.

Прекратив смеяться и плакать, Ле Чжунлю вытер слёзы рукавом и налил вина в чашечку, что была в его руках.

Костёр внезапно вспыхнул, окрашивая красным оттенком тонкое лицо мужчины.

Настроение Ле Чжунлю изменилось, печаль и страдание исчезли, а привычное выражение вновь украсило лицо. Мужчина спокойно обратился к Фэн Мину с вопросом:

— Князя Мина всё ещё интересует, кем больше всего восхищается Ле Чжунлю?

Юноша кивнул.

В этот миг все наострили уши и внимательно стали слушать ответ.

Ле Чжунлю лукаво улыбнулся:

— Человек, которым я восхищаюсь, это Вы, князь Мин.

Подвергшись его насмешкам, все остолбенели. Даже Фэн Мин почувствовал, что мужчина шутит.

Разве сейчас он не глумился над юношей, которого постоянно ловили как мышь?

Ле Чжунлю, явно поняв, о чём каждый думает, отмахнулся и произнёс:

— Я только сказал, что князя Мина неоднократно похищали, к тому же я не говорил, что не восхищаюсь им, — хохотнув несколько раз, проговорил мужчина неожиданно серьёзным тоном.

— Многим ли из одиннадцати государств, кого не раз похищали враги, было позволено спокойно вернуться домой? В Поднебесной, кроме князя Мина, кто-то ещё мог сбежать из рук Лу Даня? К тому же есть ли тот, кому Лу Дань перед смертью мог вверить жизнь императора Дунфань? — Мужчина посмотрел на Фэн Мина, его глаза были чёрными, пронизанными блеском, загадочными. Юноша от этого взгляда вздрогнул и ещё какое-то время не мог пошевелиться.

Костёр потрескивал.

Закончив говорить и не прощаясь со всеми, мужчина наклонился, вручил пустую винную чашечку Цю Син, выпрямился и, не говоря ни слова, удалился.

Во мраке ночи его силуэт был ещё более высоким, вытянутым в струнку, словно он был способен выдержать какие угодно удары. Под звук собственных шагов мужчина удалялся прочь, скрываясь за деревьями.

Все словно затаили дыхание.

Спустя длительное время Ле-эр вздохнул и, открыв рот, проговорил:

— Этот по фамилии Ле, в конце концов, откуда он возник?

— Я сейчас, однако, начал беспокоиться. — Лицо Жун Ху стало серьёзным. — Если он хороший друг Лу Даня, даже можно сказать, близкий ему человек, тогда он, вполне вероятно, может нам навредить, чтобы отомстить за него.

— Не может, — внезапно проговорил Жун Тянь.

И все в недоумении уставились на государя.

Жун Тянь посмотрел в сторону, куда ушёл Ле Чжунлю, и приглушённым тоном проговорил:

— Лу Дань перед смертью израсходовал остаток жизни в обмен на благополучие Фэн Мина. Этот человек совершенно не позволит Фэн Мину столкнуться с какой-либо бедой. — Он, обернувшись, нашёл взглядом юношу. — Этот человек с самого начала был с нами только из-за тебя.

Жун Ху всё же никак не смог успокоиться и осторожно спросил:

— Из-за того, что он по-прежнему будет нужен нам как проводник, государь и впрямь решил довериться ему?

— Хоть этот человек с виду смешной и жадный, однако глаза его светлые и чистые. Из-за этого он не кажется порочным. Если его уязвимое место — мы, то он никоим образом не прибегнет к подлым уловкам. И позволь ему дальше указывать нам путь.

— Слушаюсь.

Дрова затрещали, сгорая в огне до тла.

Цю Юэ и Цю Син, придя в себя, спешно поднялись:

— Глубокая ночь, мы пойдём расстилать тюфяки.

— И я иду. — Цю Лань также поднялась на ноги.

Вскоре ушли Ле-эр и Жун Ху, Цзы Янь отправился обходить окрестности, чтобы узнать, есть там или нет какие-нибудь странные шорохи. У догорающего огня остались лишь Фэн Мин и Жун Тянь.

Мужчина проговорил:

— Глубокой ночью в лесу может быть холодно, иди сюда.

Фэн Мин послушно приблизился, и его обняли.

Ночь обнажала свою жестокость, однако, укрываясь в объятиях Жун Тяня, юноше было тепло и уютно.

— Почему ты внезапно упомянул Лу Даня?

— Не знаю. — Фэн Мин нахмурился и, размышляя, проговорил: — Наверное, потому что Ле Чжунлю напомнил мне его.

— Фэн Мин.

— М?

— Почему тот, кем ты восхищаешься, — Лу Дань?

Фэн Мин потёрся лицом о грудь Жун Тяня, словно думая спрятаться от его взгляда, и слегка съёжился.

— Потому что я считаю Лу Даня потрясающим, — пробубнил юноша. — Он настолько талантлив, что может поддержать императора Дунфань, и он самый лучший возлюбленный императора.

Жун Тянь неспешно гладил юношу по тёмным волосам.

Длинные пальцы скользили по волосам ниже, мягко касаясь загривка. Подушечки пальцев

нежно гладили кожу, словно загривок прищурившегося и охваченного истомой возлюбленного был кошачьим.

— Фэн Мин, Лу Дань не стоит твоего восхищения. И он не является лучшим возлюбленным императора.

От нежных поглаживаний упавший в объятия Жун Тяня Фэн Мин не мог произнести ни слова.

Сам же мужчина ласково гладил его спину.

— Тогда кем же я должен восхищаться? — Спустя некоторое время юноша высунул голову и, всё так же нежась в руках императора Силэй, посмотрел на мужчину.

Глаза, что сияли подобно звёздам, были полны бесконечной любви и нежности.

— Ты должен восхищаться собой.

— Почему?

— Потому что ты являешься самым лучшим возлюбленным императора Силэй.

Фэн Мин покачал головой.

— Разве я не прав? — с удивлением спросил Жун Тянь.

— Я должен восхищаться тобой, это будет правильнее. — Фэн Мин прищурился, смотря на Жун Тяня, а уголки губ дрогнули, медленно превращаясь в широкую улыбку: — Потому что ты являешься самым лучшим возлюбленным князя Силэй.

Юноша вытянул руки, заключая Жун Тяня в крепкие объятия.

В тиши ночи раздавалось перешёптывание.

— Почему Лу Дань не лучший возлюбленный?

— Потому что он мёртв, и неизвестно, чего хотел император Дунфань.

— Я знаю, чего хочешь ты.

— Знаешь?

— Угу.

— Ну же, поделись со мной. Позволь мне узнать, действительно ли ты знаешь.

— Весь в нетерпении. А, не нужно безобразничать, Жун Тянь. Цю Син и Цю Юэ ещё не легли спать и могут прийти...

— Позволь им насладиться таким прекрасным зрелищем. Рано или поздно им тоже захочется это сделать со своими возлюбленными.

— Ум-ум... У-у... Ты сейчас...

— Какой?

— ...безнравственный государь.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: преодолеть тяжёлый путь, совершить трудный переход.

[2] Обр. в знач.: метаться из стороны в сторону, суетиться.

[3] Обр. в знач.: внимательно слушать, отнестись с полным вниманием.

<http://bllate.org/book/13377/1190193>